

УДК 82.0
ББК 83.3 (0) 5

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ОПИСАНИЯ КАЛЕНДАРНО ПРИУРОЧЕННОГО КУЛАЧНОГО БОЯ В РОМАНЕ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «НА ГОРАХ»

АННА АНАТОЛЬЕВНА КУРОЧКИНА

(Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского: Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23)

***Аннотация.** В статье изложены результаты анализа этнографической достоверности описания календарно приуроченного кулачного боя в романе П. И. Мельникова-Печерского «На горах». Данный фрагмент по сложившейся литературоведческой традиции считается аутентичным и используется исследователями кулачного боя в качестве источника достоверных сведений. В содержательном отношении указанный эпизод является художественным переложением фрагмента статьи И. Н. Тибрина «Описание Ягодинской волости Княгининского уезда». При этом стилистически он объединяет в себе три сложившихся традиции изображения кулачного боя: беллетристическую, очерковую и фольклорную. В настоящей статье исследованы авторские методы художественной обработки этнографических реалий при включении их в художественный текст. Очерковую зарисовку писатель превращает в драматизированное, четко структурированное действие, в котором члены каждой половозрастной группы сельского сообщества играют свою предписанную традицией роль. Индивидуализированные персонажи представляют собой образы типических представителей каждой такой группы. Этнографическая составляющая эпизода по сравнению со статьей-источником данных преобразуется в сторону усложнения структуры ритуализованного кулачного боя. Таким образом, на основе аутентичного книжного источника писатель создает обобщенный образ типизированного сельского праздника, на котором происходит типизированный кулачный бой. Созданное П. И. Мельниковым описание обычая не противоречит современным данным о народных традициях кулачного боя во второй половине XIX в., однако при этом оно лишено регионального колорита и не может быть соотнесено с локальной традицией Среднего Поволжья.*

***Ключевые слова:** П. И. Мельников-Печерский, роман «На горах», фольклор в литературе, традиционный кулачный бой, народные обряды.*

Одним из этнографически значимых описаний в романе «На горах» является эпизод, посвященный календарно приуроченным кулачным боям в с. Миршень. Данный фрагмент включает подробный рассказ о предыстории обычая, связанной со сменой юридического статуса окру-

жающих Миршень земель. Писатель повествует о кровавой вражде миршенцев и якимовцев из-за переданных полковнику Якимову угодий. Камень преткновения в их многолетней тяжбе — Орехово поле, Рязановы пожни и Тимохин бор. Каждый год, в разгар земледельческих работ

и покосов, нежелание миршенцев соглашаться с отчуждением угодий приводило к кровавым дракам, доходившим до смертоубийства. Со временем былая вражда себя исчерпала, но «иная память осталась еще от старинных боев: на Петра и Павла либо на Кузьму Демьяна каждый год и в начале сенокосов в Миршени у кузниц, супротив Рязановых пожней, кулачные бои бывали, но дрались на них не в дело, а ради потехи» [Мельников-Печерский 1976, 67]. А. Печерский приводит развернутое описание «потешных» кулачных боев, выросших на месте былой соседской вражды. Живописная зарисовка сопровождающего их сельского праздника является фрагментом девятнадцатой главы второй части романа «На горах».

Ко времени создания указанного текста в русской литературе уже сложилась определенная традиция изображения кулачных боев, развивавшаяся по двум направлениям, активно взаимодействующим между собой. С одной стороны, тема затрагивалась в многочисленных этнографических работах, снова и снова цитирующих одни и те же исторические документы и свидетельства очевидцев. С другой — писатели создавали художественные картины рукопашки, наследуя традициям былинного изображения боев и в то же время развивая реалистическую парадигму повествования. Это порождало особую характерную для указанных фрагментов стилистику как в авторской речи, так и в образах героев. Подробный обзор описаний кулачных боев, созданных в рамках двух указанных направлений, приведен в работе А. Грунтовского «Русский кулачный бой» [Грунтовский 1993, 110–140]. Мы же лишь отметим, что в содержательном отношении анализируемый фрагмент романа П. И. Мельникова не обнаруживает прямых корреляций с литературными текстами его предшественников, а в стилистическом — соотносится с описанием кулачного боя в рассказе Н. Помяловского «Поречане» [Помяловский 1980].

Исследуемый эпизод романа «На горах» в целом представляет собой этнографическую зарисовку истории и нравов с. Миршень, весьма опосредованно связанную с основным сюжетом романа. Связь эта ограничивается тем, что рядом с Миршенью купила земли и построила усадьбу Фатьянку Марья Ивановна Алымова,

искусно заманившая Дуню Смолокурову в хлыстовский «корабль». Именно по пути из Фатьянки в Луповицы Марья Ивановна навещает Смолокуровых и обнаруживает Дуню увлеченной мистическими книгами. С этого момента повествование будет сосредоточено на сюжетной линии хитрой охоты сектантов на богатую купеческую дочь. Развязка указанной сюжетной линии снова приведет читателя в Фатьянку. Сюда в поисках Дуни приедет Аграфена Петровна.

Два описания Фатьянки обрамляют Дунино пребывание в Луповицах. А вот история расположенной рядом Миршени служит ретардации повествования в ключевой для развития сюжетной линии момент: Дуня обнаруживает среди подаренных отцом книг «Путешествие младого Костиса» и погружается в омут мистического чтения. Время, прошедшее от первого прочтения «Путешествия...» до визита Алымовой, остается за кадром повествования, потому что на первый план выходит размеренный, подробный рассказ о Миршени, ее истории и нравах. Этому П. И. Мельников посвящает без малого три главы.

Таким образом, никакого значения для развития сюжета, за исключением его ретардации, описание кулачных боев не несет. Функция эпизода для произведения в целом расположена в ином смысловом поле, порождаемом всей совокупностью многочисленных «вставных текстов» этнографического и фольклорного содержания. Указанный пласт романа «На горах» на первый взгляд играет второстепенную роль декораций увлекательного авантюрного сюжета, одобренного романтической коллизией. Однако внимательное изучение авторских принципов отбора и подачи фольклорно-этнографического материала кардинально меняет восприятие общей семантики текста.

В этом процессе особую роль играют и отбор фактического материала, и авторская трактовка, и утрированная стилизация вставных повествований под особенно популярный в 1870-х гг. этнографических очерк. Именно этой искусной стилизации диалогия «В лесах» и «На горах» обязана мгновенно сформировавшейся и невероятно устойчивой литературоведческой репутацией «этнографического романа». С ней же связана установка на восприятие включенных в текст фольклорных

и этнографических материалов как аутентичных, не раз приводившая к перепечатке их в тематических хрестоматиях и даже к использованию в качестве источника в научных статьях. Миршенский эпизод романа «На горах» представляет нам яркий пример подобной стилизации, типичной для указанного текста Андрея Печерского. По сути, структура и художественная система фрагмента представляет контаминацию двух разновидностей этнографического очерка, широко востребованных в творчестве беллетристов и публицистов 1880-х гг.

Первая разновидность сложилась в рамках «этнографического направления» в литературе 1860–1870-х гг. и, восходя к прозе Даля, особенно активно разрабатывалась в творчестве Максимова, Якушкина, Нефедова и других авторов указанного круга. Второй вариант развивался в рамках многообразной этнографической публицистики, особенно активно печатавшейся в региональной периодике. Основной площадкой для развития указанной формы этнографического очерка долгое время оставались «Губернские ведомости». Во второй половине XIX в. во многих губерниях также начинают издаваться специальные сборники, в которых публикуются материалы губернских статистических комитетов. Появление подобных изданий напрямую связано с коренной реформой данной государственной структуры в 1860 г. Основной целью реформы стало увеличение научной продуктивности учреждений в исследовании состояния губерний. В итоге к работе статистических комитетов были привлечены знатоки местной истории, культуры и экономики, многие из которых уже являлись корреспондентами Императорского Русского географического общества и авторами очерков в Губернских ведомостях. В рамках сборников, издаваемых губернскими статистическими комитетами, формируется особый канон этнографического очерка, призванный максимально полно охватить историю, культуру и экономическое состояние конкретного населенного пункта/уезда. Ярким примером являлся «Нижегородский сборник» под редакцией А. С. Гацкого, в рамках которого с 1867 г. публиковались подробные очерки о селах и уездах Нижегородской губ. [Гацкий 1867–1890]. Большинство очерков,

за исключением посвященных народной фразеологии и детским играм, имеют сходную структуру, соотносимую с программой статистического исследования региона, утвержденной губернским статистическим комитетом. Интересующий нас фрагмент романа «На горах», описывающий историю и быт миршенцев, структурой изложения данных практически идентичен логике описания, характерной для очерков «Нижегородского сборника». При этом художественная стилистика эпизода соотносится с литературным этнографическим очерком, предполагающим описание народной жизни средствами народного языка, фольклора.

В рамках нашего исследования мы исследовали прежде всего цель проверки этнографической достоверности описаний народных обычаев в романе «На горах». В этом отношении миршенский эпизод представлял особый интерес, так как приведенное здесь описание кулачных боев во многих современных тематических исследованиях используется в качестве источника данных. Однако проверка этнографической достоверности эпизода встретила ряд препятствий. Первое из них — отсутствие на карте Российской империи населенного пункта Миршень. Учитывая характерный для П. И. Мельникова обычай слегка видоизменять имена собственные, мы проверили списки населенных мест Российской империи, составленные и изданные Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, на наличие созвучных названий. Однако единственное село с созвучным названием Мирша Нижегородского уезда не обнаружило сходства с описываемой местностью ни в ландшафте, ни в истории волости, ни в укладе крестьянской жизни. При этом Мирша — довольно крупное исконно мордовское поселение (115 дворов по данным «Списков населенных мест Нижегородской губернии» за 1859 г. [Списки 1861–1885]). Среди больших эрзянских сел также встречаем созвучные названия: Якшень (большая и малая — в Княгининском уезде) и Пикшень (Лукояновский уезд). Их названия, несомненно, были знакомы П. И. Мельникову как автору «Очерков мордвы», опубликованных в 1867 г. Возможно, авторский топоним рожден контаминацией реальных названий и призван передать мордовский этнический колорит,

присущий топонимике нагорной части Нижегородской губ.

Следующим этапом поиска географической локализации описанной Печерским традиции стал поиск сел, переданных из монастырской собственности в казенную. Этот подход оказался более плодотворным — в результате мы получили перечень сел со сходной историей. Подсказкой в дальнейшем поиске стало указание Мельникова на элемент народного костюма миршенцев — Княгининские шапки. При изучении истории сел княгининского уезда, бывших ранее монастырскими, был обнаружен книжный источник мельниковского текста и установлена географическая локализация описанной им традиции. Стало очевидно, что в фактографическом отношении текст А. Печерского практически полностью дублирует статью И. Н. Тибрина «Описание Ягодинской волости Княгининского уезда», опубликованную в «Нижегородском сборнике» [Тибрин 1869], в которой описана предыстория и современное бытование летних драк на границе Нижегородского и Княгининского уездов между крестьянами с. Ягодное и деревень Нерослиха, Ковалевка, Беляниха, с одной стороны, и сел Шершова и Горышкина и деревень Видолейки и Тилинина — с другой. Совпадает и предыстория драк, восходящая к вражде за уголья между казенными и помещичьими крестьянами, доводившая их прежде до смертоубийства. Совпадает и структура праздника в двух описаниях. При этом качественно отличается художественное оформление рассказа. В описании И. Н. Тибрина выразительность достигается за счет большого количества эпитетов. Мельников же использует более широкий круг художественных приемов, вполне характерных для этнографических описаний в анализируемом романе. И избыточно фольклоризованная речь автора-повествователя — лишь один из них. Наиболее значимым, на наш взгляд, является драматизация действия, которая является результатом использования ряда художественных приемов. Во-первых, это усложнение ритуализованной структуры драки: если у Тибрина в бою поочередно участвуют две половозрастные группы (сначала мальчишки, а затем молодежь), то у Мельникова — три (мальчишки, «выростки», молодежь). Во-вторых, Мельников использует параллелизм в описании нескольких

происходящих одновременно действий: хороводы девушек, драка парней, разговоры наблюдающих стариков. В-третьих, Мельников наделяет участников фольклоризованной речью (хороводные песни девушек, дразнилки мальчишек, выкрики стариков). В-четвертых, А. Печерский дополняет описание драки и хороводов личными историями их участников.

В результате перед читателем разворачивается драматизированное, четко структурированное действие, в котором члены каждой половозрастной группы сельского сообщества играют свою предписанную традицией роль. Индивидуализированные персонажи представляют собой образы типических представителей каждой такой группы. Через систему их взаимоотношений раскрываются скрытые за нарядным, живописным действием трагические обстоятельства реальной жизни. При этом этнографическая составляющая эпизода по сравнению со статьей, источником данных, преобразуется в сторону усложнения структуры ритуализованного кулачного боя. Таким образом, на основе аутентичного книжного источника писатель создает обобщенный образ типизированного сельского праздника, на котором происходит типизированный кулачный бой. Необходимо разобраться, насколько подобный образ соответствует реальной традиции. Для ответа на этот вопрос следует обратиться к научным исследованиям кулачного боя. Однако здесь возникает парадоксальный эффект: ввиду скудости документальных свидетельств о кулачных боях, датированных XVII—XIX вв., само описание П. И. Мельникова встало в ряд литературных источников, активно используемых исследователями и реконструкторами русского кулачного боя. Ярким примером могут служить монография А. В. Грунтовского «Русский кулачный бой» [Грунтовский 1993], кандидатская диссертация Г. Н. Базлова «Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников (опыт реконструкции). По материалам северо-западной России» [Базлов 2002] и докторская диссертация В. А. Куца «Русский кулачный бой в контексте традиционной и современной культуры» [Куц 2014].

В данных работах ритуализованная структура кулачного боя полностью совпадает с традицией, изображаемой в романе «На горах». Однако необходимо учесть,

что авторы указанных исследований используют описание П. И. Мельникова в качестве источника достоверных сведений о кулачных боях. К тому же, опираясь преимущественно на печатные публикации подобной тематики и на собственные экспедиционные материалы второй половины XX в., исследователи оставляют в стороне огромный массив архивных материалов XIX — начала XX в., отражающих внутреннее многообразие традиционного рукопашного боя как элемента народной культуры.

Наиболее обоснованная этнографическими материалами картина традиции кулачных боев представлена в монографии Б. В. Горбунова «Традиционные рукопашные состязания в народной культуре восточных славян XIX — начала XX в.» [Горбунов 1997], написанной на основе 4470 свидетельств, собранных как в печатных источниках, так и в архивных фондах. По данным автора, в указанный период обычай рукопашных состязаний бытовал в 324 уездах 62 губерний. В том числе в 39 губернских городах, включая обе столицы, в 60 уездных и в 16 заштатных городах. Причем из 324 уездов кулачные бои зафиксированы в 151, борьба — в 53, оба типа состязаний — в 120 уездах, что обоснованно указывает на преобладающую популярность кулачных боев по сравнению с борьбой. При этом на протяжении обозначенного времени наблюдается очевидная тенденция к затуханию традиции кулачного боя.

Что касается календарной приуроченности кулачных боев, то собранные Б. В. Горбуновым данные свидетельствуют о значительном преобладании зимних состязаний над весенне-летними. При этом независимо от временной фиксации кулачные бои в большинстве свидетельств приурочены к праздничным датам или циклам. Сообщения о состязаниях во второй половине лета малочисленны, и в них бои привязаны к местным престольным праздникам. Исследователь также отмечает, что «для Севера, Северо-Запада и Центра России, части Среднего Поволжья (Нижегородская и Казанская губ.), Северного и Среднего Урала типично приурочивание обычая таких состязаний к зимнему и весенне-летнему календарным периодам с некоторым преобладанием первого» [Там же, 31].

Среди всего многообразия зафиксированных локальных традиций Б. В. Горбунов выделяет несколько видов кулачного боя, в разном соотношении бытующих на всей изученной территории: «один на один», «через черту», «сцеплялка-свалка», «стенка на стенку». По данным автора, ритуализованный кулачный бой как элемент народного праздника зачастую сочетал в себе разные виды боя и имел четко регламентированную структуру. «Зачин» состязания открывался дразнилками, которыми две группы собравшихся подростков 13–14 лет задирали друг друга. «Заигрыши» выливались в первые «сшибки» и сцеплялки. Когда определялся перевес одной из сторон, в бой вступали «стенки» юношей 15–17 лет. «Выростки» в свою очередь, тесня противника, встречали на своем пути «стенку» взрослых. Бой продолжался до бегства одной из сторон. Другой вариант «зачина» включал, помимо «заигрышей», поединок сильнейших бойцов, за которым уже следовал «заправский бой». В некоторых локальных традициях «зачин» объединял оба варианта: после сражения юношей и подростков в поединок вступали взрослые бойцы, и уже после этого начинался «заправский» бой. Во время него в первых рядах «стенки» шла молодежь 18–25 лет, начинавшая бой, а затем отходившая на фланги следующей шеренги старших бойцов, составлявшей основу «стенки». Согласно свидетельствам, собранным Б. В. Горбуновым, количество бойцов в «стенке» с одной стороны колебалось от нескольких десятков до нескольких тысяч человек.

Вариант игры, когда в бой последовательно вступают четыре дифференцированные по возрасту группы, этнограф считает классическим. При этом он отмечает, что нередко свидетельства о битве лишь двух или трех возрастных подразделений, а встречаются и описания состязаний «стенок», состоящих исключительно из бойцов-ровесников.

Особого внимания заслуживает указание Б. В. Горбунова на традиционный во многих местах параллелизм кулачного боя и хоровода. По мнению исследователя, в подобных свидетельствах виден пережиток какого-то древнего обычая, праздника, где происходило знакомство,

общение полов, оценка и предварительный выбор партнера для будущей семейной жизни, а также доказательство молодыми мужчинами своего права на создание семьи. В контексте многочисленных свидетельств, приводимых Б. В. Горбуновым в пользу своего утверждения, весьма обоснованными выглядят акценты, расставленные П. И. Мельниковым при создании художественного образа кулачного боя. В частности, если в тексте И. Н. Тибрина старики, поддерживая молодежь, кричат: «а кто плохо будет драться, тягло снимем» [Тибрин 1869, 383], то у Мельникова звучит: «Плохо станете драться,

невест не дадим!» [Мельников-Печерский 1976, 74].

Таким образом, описание кулачного боя в романе «На горах» создано Мельниковым на основе книжного источника путем фольклоризации речевой составляющей повествования и драматизации его структуры. Целью и результатом художественного описания обычая является обобщенный и типизированный образ календарно приуроченного кулачного боя, не противоречащий научным данным о традиционной структуре указанного обычая и сопряженных с ним праздничных действиях.

Литература

Базлов 2002 — Базлов Г. Н. Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников (опыт реконструкции): По матер. Северо-Западной России: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Гациский 1867 — Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом под ред. действит. члена и секретаря комитета А. С. Гациского. Т. 1–10. Н. Новгород, 1867–1890.

Горбунов 1997 — Горбунов Б. В. Традиционные рукопашные состязания в народной культуре восточных славян XIX — начала XX в. М., 1997.

Грунтовский 1993 — Грунтовский А. В. Русский кулачный бой. СПб., 1993.

Куц 2014 — Куц В. А. Русский кулачный бой в контексте традиционной и современной

культуры: системно-синергетический анализ: Дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2014.

Мельников-Печерский 1976 — Мельников П. И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6: На горах. Кн. 2. М., 1976.

Помяловский 1980 — Помяловский Н. Г. Поречане // Помяловский Н. Г. Сочинения. Л., 1980. С. 568–602.

Списки 1861–1885 — Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1861–1885.

Тибрин 1869 — Тибрин И. Н. Описание Ягодинской волости Княгининского уезда // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом / Под ред. А. С. Гациского. Т. 2. Н. Новгород, 1869. С. 371–384.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ведущий специалист-филолог кафедры русской литературы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского: Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23; тел.: +7 (831) 433-82-45; e-mail: chikalinka@mail.ru

---

FOLKLORE AND ETHNOGRAPHIC SOURCES OF CALENDAR-TIMED FIST FIGHT'S DESCRIPTION IN P. I. MEL'NIKOV-PECHERSKIY'S NOVEL "ON THE MOUNTAINS"

ANNA KUROCHKINA

(Lobachevskiy State University of Nizhniy Novgorod — National Research University:
23, Gagarina av., Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation)

Summary. *The paper gives the results of the search for literary sources of description of calendar-timed fist fight and evaluation of veracity of its description in P.I. Melnikov-Pecherskiy's novel "On the mountains". According to the tradition of literature studies, this episode has been reckoned as authentic and even used as an ethnographic source. The author has revealed the main source of ethnographic content of that episode, namely the study "Opisanie Yagodinskoy volosti Knyagininskogo uyezda" ["Description of Yagodinskaya district of Knyaginin county"] by I. N. Tibrin. Creating literature text on this basis Melnikov combines three stylistic traditions of describing a folk fist fight, developed in fiction, essays and folklore.*

The paper shows the way, in which the author converts ethnographic material to become a literature text. The writer turns Tibrin's descriptive essay into a dramatic, ritualized, structured action, in which members of each gender and age group of rural community play their roles prescribed by the traditional way of life. Individualized characters represent the images of typical members of each such group. In comparison with researcher's paper, which has served as a source, the ethnographic component of the episode is converted to a more complicated structure of ritualized fist fight. Thus, on the basis of the authentic source of the book Melnikov creates a generalized image of typed a rural festival with a typed fist fight. This description can be accepted as ethnographically authentic. At the same time the episode has no regional features in representation of folk tradition of traditional fist fight. So it cannot be associated with the local tradition of the middle Volga region.

Key words: P.I. Mel'nikov-Pecherskiy, novel "On the mountains", folklore in literature, traditional fist fight, folk rite.

References

Bazlov G. N. (2002) Derevenskaya artel' kulachnykh boytsov-rukopashnikov (opyt rekonstruktsii). Po mater. Severo-Zapadnoy Rossii [Rural guild of fist fighters (probes on reconstruction)]. PhD thesis (Philology). Moscow. In Russian.

Gatsiskiyy A. S. (ed.) (1867–1890) Nizhegorodskiy sbornik, izdavaemyy Nizhegorodskim gubernskim statisticheskim komitetom pod red. deystvit. chlena i sekretarya komiteta A. S. Gatsiskogo [Nizhniy Novgorod miscellanea, published by Nizhniy Novgorod province statistic committee, edited by titular member and secretary of the committee A. S. Gatsiskiyy]. Vol. 1–10. Nizhniy Novgorod. In Russian.

Gorbunov B. V. (1997) Traditsionnye rukopashnyye sostyazaniya v narodnoy kul'ture vostochnykh slavyan XIX — nachala XX v. [Traditional wrestling competitions in folk culture of the Eastern Slavs in the 19th — the beginning of the 20th century]. Moscow. In Russian.

Gruntovskiy A. V. (1993) Russkiy kulachnyy boy [Russian fist fight]. St. Petersburg. In Russian.

Kuts V. A. (2014) Russkiy kulachnyy boy v kontekste traditsionnoy i sovremennoy kul'tury: sistemno-sinergeticheskiy analiz [Russian fist fight

in the context of traditional and contemporary culture: systematic and synergetic analysis]. Grand PhD thesis. St. Petersburg. In Russian.

Mel'nikov-Pecherskiy P. I. (1976) Sobr. soch.: V 8 t. [Coll. works. In 8 vol.] T. 6. Na gorakh. Kn. 2. [Vol. 6. On the mountains. Book 2]. Moscow. In Russian.

Pomyalovskiy N. G. (1980) Porechane [The Porechyans]. Sochineniya [Works]. Leningrad. Pp. 568–602. In Russian.

Spiski naselennykh mest Rossiyskoy imperii, sostavlennyye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del [Lists of inhabited localities of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistic Committee of the Ministry of Interior Affairs] (1861–1885). St. Petersburg. In Russian.

Tibrin I. N. (1869) Opisanie Yagodinskoy volosti Knyagininskogo uyezda [Description of Yagodinskaya district of Knyaginin county]. *Nizhegorodskiy sbornik, izdavaemyy Nizhegorodskim gubernskim statisticheskim komitetom* [Nizhniy Novgorod miscellanea, published by Nizhniy Novgorod province statistic committee]. Vol. 2. Nizhniy Novgorod. Pp. 371–384. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: chikalinka@mail.ru

Tel.: +7 (831) 433-82-45

23, Gagarina av., Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation

Leading specialist-philologist, Russian Literature Department, Lobachevskiy State University of Nizhniy Novgorod — National Research University

---